

С. В. Любичанковский
**МЕХАНИЗМЫ КАРЬЕРНОГО РОСТА И ПАДЕНИЯ
 РЕФОРМАТОРОВ ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА II:
 КАЗУС П. А. ВАЛУЕВА И Е. И. БАРАНОВСКОГО**

УДК 94 (470) «18»

ББК 63.3 (2) 522-06

В статье на основе документов из личного фонда Е. И. Барановского проанализированы взаимоотношения крупного реформатора эпохи «Великих реформ» П. А. Валугева и так называемого «красного губернатора», выдающегося представителя бюрократической элиты Е. И. Барановского. «Неглянцева» реконструкция пути П. А. Валугева в большую политику и роли его личных связей и личных характеристик в этом процессе представляет значительный научный интерес для понимания закономерностей формирования слоя реформаторов той эпохи в целом. Реконструкция описанного в воспоминаниях Е. И. Барановского механизма его собственного отстранения от губернаторской должности в 1861–1862 гг. позволила наполнить конкретным историческим содержанием сюжет о методах и способах устранения наиболее радикальных реформаторов из бюрократической элиты времен Александра II.

Ключевые слова: *Российская империя, Великие реформы, регионы, губернатор, П. А. Валугев, Е. И. Барановский*

Граф Петр Александрович Валугев (1815–1890) — личность, без преувеличения, историческая. Его деяния на высоких государственных постах¹ и литературная деятельность² принесли ему известность среди современников и заслуженный интерес потомков.³ Найденные нами в Государственном архиве Оренбургской области «Личные записки о служебной деятельности»⁴ Е. И. Барановского позволили выявить ряд любопытных моментов, касающихся характера Петра Валугева и методов решения государственных дел.

Егор Иванович Барановский

Какое имеет отношение Е. И. Барановский к П. А. Валугеву? Самое непосредственное. Именно его «Личные записки...» сохранили

интересную информацию об истоках карьеры графа Валугева и о той стороне его деятельности, которая была связана с увольнением губернаторов. Эти воспоминания, безусловно, субъективны, как, впрочем, все источники такого рода: автор стремится представить себя жертвой непорядочности и мстительности Петра Валугева, которого постоянно награждает эпитетами вроде «государственный младенец», «квазигосударственный человек», «легковесный», «неустойчив», «беспринципен» (кстати, сходную характеристику дают ему и некоторые современные исследователи).⁵ Но при всей субъективности оценок и отбора фактов такая мемуарная литература чрезвычайно важна как для выяснения взглядов, психологии отдельных государственных деятелей, так и для характеристики эпохи в целом, поскольку она доносит до нас такие сведения, которые редко попадают в официальные биографии. Упомянутая запись сделана в 1895 г. для Оренбургской ученой архивной комиссии.

Егор Иванович Барановский (1820–1914) прожил долгую и насыщенную жизнь, безусловно, требующую отдельного разговора. После окончания в 1840 г. Петербургского училища правоведения начал свою трудовую деятельность младшим советником секретаря одного из отделений III департамента Сената, затем перешел в ведомство Министерства

¹ П. А. Валугев был министром внутренних дел (1861–1868), министром государственных имуществ (1872–1879), возглавлял комитет министров (1879–1881).

² П. А. Валугев — признанный мастер дневниковой эссеистики («Дневник»), известность всероссийского публициста принесла ему «Дума русского во второй половине 1855 года», оставил он свой след и в беллетристике (романы «Княжна Татьяна», «Лорин»).

³ См., напр. Секиринский С. Министр на европейский лад: Литературный автопортрет Петра Валугева // Родина. 1994. № 10. С. 22–26; Левандовский А. «Уму нужен простор!» // Родина. 1995. № 3–4. С. 139–144 и др.

⁴ ГАОО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 45. Л. 9–300б.

Любичанковский Сергей Валентинович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург)
 E-mail: svlubich@yandex.ru

⁵ Ср.: «Валугев был чрезвычайно себялюбив, всю жизнь лавировал, говорил не то, что думал, делал не то, что говорил...» (Левандовский А. Указ. соч. С. 140).

юстиции. Для нашего сюжета важно то, что в 1847–1848 гг. он работал правителем канцелярии рижского военного генерал-губернатора,⁶ и Петр Александрович Валуев был у него в подчинении. После конфликта с ним Барановский работал в Министерстве госимуществ, МВД. В 1853 г. был определен оренбургским вице-губернатором, с 1858 г. он уже — Оренбургский гражданский губернатор, в 1861 г. был переведен губернатором в Саратов. Ушел в отставку в 1862 г., причиной которой всю жизнь считал интриги Валуева. Много лет проработал агентом «Русского общества пароходства и торговли», совершил кругосветное путешествие, впоследствии управлял Московским вдовьим домом, был почетным членом опекунского совета учреждений императрицы Марии. До самой последней минуты своей жизни сохранял трезвость ума и даже... сам организовал свои похороны!⁷

Светлый ум, высокое чувство ответственности, умение доводить всякое дело до конца способствовали быстрому продвижению молодого правоведа Е. И. Барановского по службе. В 1853 г. его, уже имевшего чин статского советника, назначают Оренбургским вице-губернатором. На этом посту Егор Иванович проявил себя энергичным, умелым администратором. Гражданский губернатор Я. В. Ханьков, оценив деловые качества своего заместителя, на время своих отъездов или недомогания часто поручал ему исполнять обязанности гражданского губернатора. В формулярном списке Е. И. Барановского, составленном в июне 1856 г. в связи с присвоением ему в 35 лет чина действительного статского советника (4-й ранг по Табели о рангах, соответствующий воинскому званию генерал-майора), указывалось, что он «исправлял должность гражданского губернатора с 25 августа по 11 сентября и с 17 сентября по 5 октября 1853 года, с 5 по 28 июня и с 31 августа по 26 сентября 1854 года, с 12 по 24 декабря 1854 года и исправляет таковую должность с 16 февраля 1855 года по настоящее время (1 июня 1856 г.)».⁸

В марте 1858 г. Е. И. Барановский был назначен гражданским губернатором и с головой окунулся в хлопотливое дело по подготовке крестьянской реформы, или, как тогда

говорили, по «улучшению быта помещичьих крестьян».⁹ Это был человек широких взглядов. Крестьянскую реформу 1861 г. он считал безусловным благом для России. По свидетельству сенатора Я. А. Соловьева, принимавшего деятельное участие в подготовке реформы, из всех российских губернаторов во время ее подготовки горячо сочувствовали ей только четверо, в том числе был и Е. И. Барановский.¹⁰

Понимая значимость предстоящей реформы, Е. И. Барановский энергично взялся за ее подготовку. Вместе с губернским предводителем дворянства он объехал многие уезды губернии, назначая сроки и объясняя порядок проведения уездных съездов дворян по выборам членов в Оренбургский губернский дворянский комитет. Понимая, что по итогам этих выборов в губернском Комитете окажется крепостническое большинство, он стремился включить в его состав людей либерально настроенных. С его подачи членом Комитета от правительства стал его будущий преемник на посту гражданского губернатора сын писателя С. Т. Аксакова Григорий Сергеевич Аксаков. Он, как и его братья, придерживался прогрессивных, демократических взглядов, был близок к славянофилам. Стать членом Комитета от правительства Е. И. Барановский предложил и известному оренбургскому писателю, связанному с А. И. Герценом, Михаилу Васильевичу Авдееву, но он от этого предложения отказался.

Чтобы ознакомиться с подходом к решению крестьянского вопроса в других губерниях, Е. И. Барановский совершил специальную поездку по России. Он принимал самое активное участие в работе Оренбургского комитета, строго следил за его постановлениями, нередко опротестовывал их и вносил предложения по тем или иным вопросам, выступая неизменно «горячим защитником интересов крестьян». Оценивая выработанное Комитетом постановление по проведению реформы, Е. И. Барановский отмечал, что его условия «весьма стеснительны для крестьян», что постановление является «нарушением строгой справедливости». Опубликованный исследователем начала XX в. И. П. Кречетовичем полный текст обширного, в 24 страницы, «Заключения гражданского губернатора Барановского по предложениям

⁶ ГАОО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

⁷ Это обстоятельство было поведено автору одним из дальних родственников Е. И. Барановского, известным конструктором И. К. Юноша-Шанявским, ныне покойным.

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13450. Л. 100б.–130б.

⁹ Там же. 13554. Л. 1, 10б.

¹⁰ См.: Соловьев Я. А. Воспоминания // Русская старина. 1882. Октябрь. С. 137. Остальные трое — нижегородский А. Н. Муравьев, самарский К. К. Грот и калужский В. А. Арцимович.

Оренбургского дворянского Комитета об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян...»¹¹ убедительно свидетельствует о прокрестьянской позиции Е. И. Барановского. Так, Комитет предлагал, чтобы крестьяне при освобождении выкупали усадьбы площадью, равной по 0,5 десятины на двор, по 60 рублей серебром, а Е. И. Барановский в своем «Заключении» писал: «...было бы, по моему мнению, вполне справедливым и благоразумным решением вопроса об усадьбах в Оренбургской губернии безвозмездная уступка строений крестьянским обществам».¹²

Касаясь вопроса о крестьянских наделах земли, губернатор отмечал, что сведения помещиков о наделах «не имеют полной достоверности», они явно занижены. Поэтому выведенный Комитетом средний надел «везде почти окажется меньшим против существующего в действительности... Это едва ли поведет к улучшению настоящего положения крестьян». Е. И. Барановский предлагал «оставить на время переходного состояния в пользовании крестьян ныне существующий надел»,¹³ поскольку в многоземельной губернии это не нанесет ущерба помещикам.

Развивая вопрос об улучшении земельной обеспеченности крестьян при получении личного освобождения, Е. И. Барановский в «Заключении» писал: «Я полагал бы необходимым увеличить поземельный надел еще выгонной земли до 1/4 десятины на душу». Денежный оброк, по мнению губернатора, надо уменьшить с 23 до 18 рублей серебром с тягла. Он также предлагал исключить пункт о том, что только с разрешения помещика крестьяне могут производить распашку лугов.¹⁴

Прокрестьянская позиция Е. И. Барановского проявилась и в вопросе о выкупе крестьянами своих наделов. По решению Комитета, крестьяне должны были за надел уплатить 160 рублей серебром с души, а губернатор считал, что размер выкупа не должен был превышать 100 рублей. Комитет, где большинство составляли убежденные крепостники, отверг все его предложения.

Естественно, взгляды и дела Е. И. Барановского не могли не вызвать противодействия и открытой вражды со стороны местных кре-

постников-дворян и поддерживавших их правительственных чиновников.

Выступая против жестокого обращения помещиков и горнозаводчиков со своими крепостными людьми и используя свою власть гражданского губернатора, Е. И. Барановский начал расследование вопиющих злоупотреблений в имениях помещиков Жадовского, Тимашевых, заводчиков Пашкова, Сухозанета и др. Следственные материалы об этих «плантаторах», носившие обличительный характер, не без участия Е. И. Барановского вскоре были опубликованы А. И. Герценом в его «Колоколе». Как установили исследователи, Е. И. Барановский послал эти материалы своему другу С. Т. Аксакову, а один из его сыновей, Иван Сергеевич, отправившийся за границу, взял их с собой и передал А. И. Герцену. Прочитав записку о жестокостях «плантатора» Жадовского, С. Т. Аксаков писал Е. И. Барановскому, что это — «еще более страшное явление», чем описанный им в «Семейной хронике» тиранствующий помещик Куролесов. «Этот изверг, которому и имени нет. Скажите, неужели он не сослан на каторгу?» — заключает С. Т. Аксаков.¹⁵

В «Записке» о «системе» разнузданной эксплуатации и бесчеловечных измывательствах в имении оренбургского помещика генерала Жадовского, опубликованной А. И. Герценом в приложении к «Колоколу», имевшем говорящее само за себя название «Под суд!», описывалось, как этот изверг-крепостник запретил своим крестьянам сельца Анастасьино иметь огороды, пользоваться лесом, уходить на заработки, по всякому поводу и без повода штрафовать и жестоко избивал крепостных, отбирал у них скот и имущество, в пьяном виде с дубиной гонялся за ними по улице, поджег некоторые крестьянские избы и в итоге довел крестьян до крайнего разорения и рабской зависимости, установил в своем имении режим самого настоящего плантационного рабства.¹⁶

В «Колоколе» была опубликована также статья Е. И. Барановского в соавторстве с писателем М. В. Авдеевым. Она касалась «дела» заводчика Сухозанета.

Интересно, что на эти материалы обратил внимание сам император. Известно, что «Колокол», хотя и был запрещен цензурой, читался в Зимнем дворце. Александр II повелел

¹¹ Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае. Т. 1. М., 1911. С. 374–398.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 382.

¹⁴ Там же. С. 383.

¹⁵ Цит. по: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков: Семья и окружение. Уфа, 1991. С. 221.

¹⁶ «Колокол» А. И. Герцена. Факс. изд. М., 1962. Т. 10. С. 212.

разобраться в сути описанных в газете событий, благодаря чему был положен конец произволу местных крепостников.

В общем, не случайно местные дворяне называли Е. И. Барановского «красным губернатором».

В июне 1861 г. Е. И. Барановский получил указ Сената о переводе его в Саратовскую губернию гражданским губернатором.¹⁷ Он позднее вспоминал, что в Саратов прибыл «с весьма неудобной для начальника губернии репутацией безусловного пристрастного защитника во что бы то ни стало одного крестьянского сословия в ущерб дворянам-помещикам». На новом месте губернатор продолжал проводить линию по отстаиванию интересов крестьян. Вскоре же он ушел в отставку.

Правительственный чиновник, он, тем не менее, сыграл важную роль в судьбах сосланных в степной край Т. Г. Шевченко, «политических поляков» Б. Залеского и Э. Желиговского, с которыми был в добрых отношениях. Среди друзей Барановского были К. П. Победоносцев и Ю. Ф. Самарин, А. А. Северцев и А. Н. Плещеев, М. В. Авдеев и А. П. Беклемишев, семейство Аксаковых¹⁸, и все они отзывались о нем как о честном и порядочном человеке. Что же он пишет о П. А. Валуеве в своих «Личных записках...»?

*«Высочайше утвержденный образец»,
или Истоки карьеры Петра Валуева*

О начале карьеры Петра Александровича Валуева, в сущности, известно немного. Опубликованный «Дневник» министра¹⁹ не касается этого периода его жизни. Современный исследователь Л. М. Ляшенко пишет, что в 1831 г. приехавший в Москву «Николай Первый обратил на Петра Александровича внимание и определил на службу в первое отделение собственной... канцелярии». Валуев «оказался удачлив и в службе, и в личной жизни. Женится он на дочери П. А. Вяземского, который успешно делал карьеру при Николае, подружился с интересными и нужными людьми. Да и работа под руководством М. М. Сперанского не могла пройти бесследно для будущего графа. В 1855 г. Валуев, находившийся на посту курляндского гражданского

губернатора, пишет свою знаменитую «Думу русского»...».²⁰

Е. И. Барановский рассказывает об этой части жизни нашего героя несколько иначе. П. А. Валуев, отмечает он, принадлежал к старинному дворянскому роду. Отец его занимал значительные придворные должности и был в милости у самой Марии Федоровны. Сам Петр, подобно другим его сверстникам из московской аристократической среды, начал службу «архивным юношей» в Москве. Красивый и ловкий, Валуев на одном из балов у князя Д. В. Голицына обратил на себя внимание императора, который велел перевести его в собственную канцелярию, к М. М. Сперанскому. В высшем петербургском обществе его прозвали «Высочайше утвержденный образец». После кончины отца светская жизнь и женитьба на дочери П. А. Вяземского²¹ совершенно расстроили состояние Петра Александровича. Молодые супруги из-за недостатка средств должны были оставить Петербург. Они переселились в Варшаву, где глава семьи «продолжал вести праздную жизнь, ничего не делая, кроме умножения прежних долгов, которые привык делать» в столице. Здесь его бросила жена, оставив себе двоих детей. Барановский не счел нужным описывать эту грязную историю, хотя, вращаясь в высших сферах, безусловно, знал ее. Однако он заметил, что «причины семейного разлада были таковы, что Валуев вынужден был оставить Варшаву». Он нашел приют в Риге, так как мать Петра была дочерью рижского гражданского губернатора. Вследствие этих родственных отношений его приняли в число балтийских дворян по Лифляндской губернии. Таким образом, в Ригу будущий министр внутренних дел попал благодаря некрасивой истории, обремененный долгами, «без малейшей служебной опытности и без привычки к труду», правда уже в заслуженном на балах чине камер-юнкера²² (не будем забывать, что эта характеристика принадлежит его сослуживцу).

Генерал-губернатор Головин — довольно известный в свое время государственный деятель, уже в 1840-е гг. работавший над ослаблением крепостных уз в своем крае, — определил Валуева на должность чиновника по особым

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13786. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5, 7, 8, 16, 39, 45, 46.

¹⁹ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961.

²⁰ Ляшенко Л. М. Царь-освободитель. М., 1994. С. 116.

²¹ Речь идет о друге А. С. Пушкина, «добрейшем и милейшем человеке», по характеристике Е. И. Барановского.

²² Пятый класс Табели о рангах, к представителям которого обращались «Ваше высокородие».

поручениям и, уважая память его деда, оказывал ему покровительство и даже помогал материально. Но Петр Александрович, утверждаясь в губернском дворянском обществе, считал возможным примкнуть к местной оппозиции против своего благодетеля, и вследствие этого «к серьезному делу... оказался совершенно неспособен». Единственное задание, которое ему было поручено выполнить, — это перевод с немецкого постановлений ландтагов об улучшении быта крестьян, который, впрочем, Валуев сделал «довольно верно и недурно» (его литературные способности были признаны окружающими уже в то время).

Февральская революция 1848 г. во Франции сильно пошатнула позиции управляющего приграничным краем реформаторски настроенного генерала Головина. И вот тут-то Валуев показал свое истинное лицо: мемуарист свидетельствует о том, что Валуев на деньги, данные ему Головиным, поехал в Петербург интриговать против своего благодетеля! Ему удалось сколотить против генерала широкий альянс влиятельных балтийских дворян, включая сына варшавского наместника князя И. Ф. Паскевича,²³ и столичной богемы. Результатом их действий стало решение Николая I заменить Головина на посту рижского военного генерал-губернатора. Так Петр Александрович, пользуясь политическим моментом, напомнил о себе при дворе и продемонстрировал свою благонадежность. Конечно, неблагоприятная роль чиновника по особым поручениям в смещении собственного начальника стала известна в Риге, и когда Валуев, вернувшись из столицы и находясь в приемной Головина, протянул главе губернаторской канцелярии Егору Ивановичу Барановскому руку для рукопожатия, тот, в присутствии множества сослуживцев не подал ему руки. Был скандал. Через полвека умудренный жизненным опытом мемуарист признает, что поступил «по молодости, непрактично», но честно. Будущий министр внутренних дел сначала вызвал его на дуэль, а затем дратья раздумал. Барановский оставил свою должность; через некоторое время ее занял Валуев. А вскоре после этой истории его произвели в действительные статские советники²⁴ и назначили курляндским гражданским губернатором.

²³ И. Ф. Паскевич (1782–1856) с 1831 г. был наместником Царства Польского и светлейшим князем Варшавским.

²⁴ Четвертый класс Табели о рангах, к представителям которого обращались «Ваше превосходительство».

Итак, именно подлостью еще молодой, по понятиям николаевской бюрократии, человек²⁵ добился видного административного положения, которое послужило ему «стартовым капиталом» в восхождении по служебной лестнице. «Вот начало блистательной и быстрой карьеры Валуева», с иронией написал Барановский.

*«Велено показать... кулак»,
или Как Валуев губернаторов «уходил»*

Свой давний конфликт с Валуевым Барановский оценивал как основную причину, вынудившую его подать в отставку и уйти с поста саратовского гражданского губернатора в бытность Петра Александровича министром внутренних дел. Не отвергая этой точки зрения, мы, однако, склонны видеть здесь общую тенденцию — борьбу с губернаторами, поддержавшими реформу 1861 г. По мнению современных исследователей, это было одной из характерных черт деятельности Валуева в качестве главы МВД.²⁶ Именно в это время в отставку ушли знаменитые А. Н. Муравьев, К. К. Грот и В. А. Арцимович.²⁷ Как министр добился такого результата? Насколько нам известно, в исторической литературе этот вопрос не выяснен.²⁸ Поэтому чрезвычайно любопытны «Записки» Барановского, в которых автор — непосредственный участник событий — подробно описал механизм собственного устранения.

Из записей следует, что первый шаг Валуева в этом направлении состоял в перемещении Барановского с поста оренбургского гражданского губернатора на ту же должность в Саратов в июне 1861 г.²⁹ Этот ход позволил министру поместить Егора Ивановича, который имел стойкую репутацию человека, жестко преследующего помещиков и владельцев горных заводов, в заранее враждебно настроенную по отношению к нему местную дворянскую среду. Саратовский губернский предводитель дворянства князь В. А. Щербатов даже специально уехал из города, чтобы не встречаться с новым губернатором при вступлении его в должность. То, что Валуев рассчитывал на

²⁵ П. А. Валуеву было 35 лет.

²⁶ См., напр.: Ляшенко Л. М. Указ. соч. С. 119.

²⁷ Таким образом, П. А. Валуев избавился от всех губернаторов, перечисленных сенатором Соловьевым (см. примеч. 10).

²⁸ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Екатеринбург; Ижевск, 2010. С. 12–14; Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13, № 4 (Fall 2012). P. 861–875.

²⁹ ГАОО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 45. Л. 4, 40б.

это, сомнений не вызывает. Уже в самом уведомлении о перемещении губернатора он выразил мысль о сложности положения Барановского и пожелал ему успеха «на трудной Саратовской почве».

По воспоминаниям современника, Е. И. Барановский — «человек умный, но принадлежал к партии “красных”, объезжая губернию, он никогда не заезжал к помещикам и мировым посредникам, собирал крестьян без нас и расспрашивал их, не жестоко ли с ними обращались помещики, не теснят ли их и т. п., в то время эти расспросы были то же, что подливать масло в огонь».³⁰ Однако кипучая деятельность Егора Ивановича на основе приверженности букве и духу Положения от 19 февраля, его правило «быть безгранично откровенным и высказывать как помещикам, так и крестьянам самые неприятные и горькие для них истины, в случаях уклонения от закона», сумели переломить ситуацию. В течение года Барановский заслужил почти всеобщее к себе расположение и крестьян, и саратовского дворянства, сумев изменить его гнев на милость.

Второй шаг Валугева заключался в травле близкого окружения губернатора. Следует отметить, что жена Егора Ивановича Екатерина Карловна также была человеком образованным и передовых взглядов. Она усиленно следила за злободневными вопросами политической жизни, читала герценовский «Колокол» и другие демократические издания, вела переписку с писателем М. В. Авдеевым и даже занималась сбором средств для того, чтобы приговоренный к ссылке в Сибирь поэт-революционер М. Л. Михайлов следовал туда не пешком, а на лошадах. Обнаруженные полицией письма Е. К. Барановской ускорили увольнение ее мужа. Ознакомившись с их содержанием, министр внутренних дел П. А. Валугев еще более убедился в том, что Е. И. Барановского «надо уволить».

В июле 1862 г. Барановский получил от министра внутренних дел письмо, в котором тот, ссылаясь на неназванные источники и пословицу «нет дыма без огня», заявлял, что «от лиц, часто бывающих в Вашем доме, к Вам более или менее близких или Вами более или менее благосклонно принимаемых, слышны речи, которые странно звучат в губернаторском доме». Никаких фамилий в письме названо не было. В ответном письме

министру возмущенный Барановский отверг все обвинения в свой адрес, поручился за свое окружение, указал на круг тех лиц, которые могли распространить клевету, а в заключение объяснил Валугеву, что «не намерен изменять своего образа жизни и действий и что если человек с такими убеждениями и с такой обстановкой невозможен в должности губернатора, то я прошу... доложить Государю об увольнении меня от службы». Выяснив щепетильность и бескомпромиссность своего адресата в этом вопросе, Петр Александрович всю дальнейшую интригу повел именно в данном направлении.

Для начала он отправил губернатору дерзкую по форме (обычную вежливую форму письма, очевидно, счел излишней) записку. Благодаря мемуаристу у нас есть возможность привести ее дословно:

«Конфиденциально. Покорнейше прошу Ваше Превосходительство объявить Г. Минкевичу, что я знаю хорошие об нем отзывы с медицинской стороны, но что в кругу общественной деятельности служащего медика есть элементы и немедицинские. Нельзя иметь на мундире одно, а на языке другое. Прошу Вас дать Г. Минкевичу семидневный срок на выезд. Буде же он не желает продолжать службу, то прошу Вас предварить его, что тогда ему назначено будет МВД другое местожительство, вне Саратовской губернии. Об исполнении Ваше Превосходительство не оставите меня уведомить немедленно. Валугев. 11. 07. 62».³¹

Записка возымела свое действие. Диктаторское распоряжение министра ясно давало понять его недоверие к губернатору, ведь его мнение о Минкевиче даже не спросили, решение было принято на основании доноса. Кстати сказать, речь шла о добросовестном враче, честно относящемся к своим обязанностям, который по прихоти Валугева лишился плодов восьмилетней деятельности и средств для обеспечения престарелой матери и младшего брата. Барановский вновь выразил министру сомнение в возможности оставаться в своей должности, подчеркнув, что это связано именно с «изменившимися требованиями и направлением МВД»,³² которое стало позво-

³¹ ГАОО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 45. Л. 210б., 22.

³² В письме Е. И. Барановского есть такие фразы: «Если бы не чувство, по которому не уходят с поля во время сражения, то я, конечно, немедленно послал бы просьбу об отставке»; «...я буду счастлив отставкой моей достигнуть того, чтобы избавиться от клевет и доносов...»

³⁰ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 218.

лять себе оскорбительные для местной власти вещи.

Валуев не возражал против отставки губернатора. Более того, чтобы ускорить ее, министр действовал. На третьем этапе интриги в Саратовскую губернию был командирован флигель-адъютант Мезенцев,³³ официально — для осмотра воинских команд, больниц и тюрем гражданского ведомства. Однако друзья сообщали Барановскому другое: ревизор заявил в Нижнем Новгороде, что едет смещать саратовского губернатора, что ему «велено показать... кулак». И действительно, приехав в губернский город, Мезенцев вместе с жандармским офицером занялся настоящими провокациями «с переодеваниями, посещением базаров, расспросами кого попало и тому подобными приемами». Говоря современным языком, он явно искал «компромат». При первой же встрече с ним Барановский заявил, что «ни ему, ни кому бы то ни было кулаков себе показывать» не позволит и сумеет сохранить как человеческое достоинство, так и достоинство места, на которое «призван Высочайшей властью». Смущенный флигель-адъютант все отрицал, однако, уехав в Пензу, всем там рассказывал, что «в Саратове он нашел целую шайку революционеров», чем, естественно, дискредитировал гражданского губернатора. В отчете этого жандармского офицера, поступившем в III Отделение, делалось следующее заключение: «...оставить губернию под управлением г. Барановского было бы небезопасно потому, что вследствие вредного направления даже некоторыми чиновниками ухищренно проводится дух непокорности между крестьянами».³⁴

Одновременно с этими событиями Валуев, почувствовав, очевидно, что терпение Барановского на исходе, в очередной раз грубо вмешался во внутренние дела губернии: во-первых, он приказал закрыть все воскресные школы; во-вторых, арестовал и отправил в казематы Петропавловской крепости личного друга Егора Ивановича, неперемного члена губернского по крестьянским делам присутствия М. В. Авдеева³⁵.

Этого Е. И. Барановский не выдержал: он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено императором 12 октября 1862 г. Валуев мог торжествовать: он добился своего. Интрига его заняла полтора года.

Итак, в статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов из личного фонда Е. И. Барановского проанализированы взаимоотношения крупного реформатора эпохи «Великих реформ» П. А. Валуева и так называемого «красного губернатора», выдающегося представителя бюрократической элиты своего времени Е. И. Барановского. Последний, будучи с 1853 г. вице-губернатором Оренбургской губернии, а с 1858 г. по 1861 г. — ее гражданским губернатором, отличался бескомпромиссной позицией по отношению к местным крепостникам, сотрудничал с «Колоколом» (!) и занял откровенно прокрестьянскую позицию в возглавляемом им по должности местном дворянском комитете в период подготовки отмены крепостного права. Стараниями Е. И. Барановского Оренбургский комитет стал единственным из всех губернских дворянских комитетов, не расколовшимся при выработке проекта крестьянской реформы на большинство и меньшинство.

Анализ содержащихся в воспоминаниях Е. И. Барановского сведений об истоках карьеры самого П. А. Валуева, который служил под его началом в 1847–1848 гг. в канцелярии рижского военного генерал-губернатора, позволяет понять, что в это время П. А. Валуев примкнул к дворянской оппозиции против генерал-губернатора, отличавшегося прогрессивными взглядами на крестьянский вопрос, и фактически возглавил интригу, следствием которой стало смещение Е. И. Барановского и быстрый подъем по карьерной лестнице самого П. А. Валуева. «Неглянцева» реконструкция пути графа в большую политику и роли его личных связей и личных характеристик в этом позволяет глубже понять процесс формирования слоя реформаторов последующей эпохи «Великих реформ» в целом.

Реконструкция описанного в воспоминаниях Е. И. Барановского механизма его собственного отстранения от губернаторской должности в 1861–1862 гг. позволяет сделать вывод о том, что данная отставка была инициирована именно П. А. Валуевым, для которого как для

³³ Будущий шеф Корпуса жандармов.

³⁴ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 218.

³⁵ М. В. Авдеев (1821–1876) — прозаик, критик. В 1862 г. был заключен в Петропавловскую крепость, официально — за переписку с Н. В. и Л. Н. Шелгуновыми и М. М. Михайловым. Е. И. Барановский предлагает иную версию причины ареста. Кстати, именно он выхлопотал замену заключения ссылкой в Пензу, а затем и в родной Оренбург.

министра внутренних дел была характерна линия на борьбу с губернаторами, недвусмысленно поддержавшими реформу 1861 г. В рамках этой политики в тот период в отставку ушли А. Н. Муравьев, К. К. Грот, В. А. Арцимович и Е. И. Барановский. В исторической науке конкретный механизм данной деятельности не раскрыт. Воспоминания Е. И. Барановского, позволяющие буквально пошагово его восстановить, являются в этом плане уни-

кальными. С их помощью стало возможным наполнить конкретным историческим содержанием сюжет о методах и способах устранения наиболее радикальных реформаторов из бюрократической элиты времен Александра II (с помощью их более умеренных коллег «по цеху»). Анализ документа позволяет также несколько по-иному взглянуть на «бюрократические будни» такого крупного реформатора, как П. А. Валуев.

Sergey V. Lyubichankovskiy

Doctor of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University (Russia, Orenburg)

E-mail: *svlubich@yandex.ru*

RISE AND FALL OF PUBLIC CAREERS OF ALEXANDER II REFORMS PERIOD
OFFICIALS: P. A. VALUEV'S AND E. I. BARANOVSKY'S CASUS

Based on the analysis of the documents from personal archives of E. I. Baranovsky the author studied the relationships between one of the major reformers of the "Great Reforms" period P. A. Valuev and the so-called 'red governor', an outstanding representative of the administrative elite E. I. Baranovsky. "Unlustrous" reconstruction of A. P. Valuev's path to big-time politics and the role of his personal contacts and personality in this process was quite interesting for understanding the general pattern of the reformers community of that period in general. The reconstruction of the described in E. I. Baranovsky's memoirs mechanism of his dismissal from the governor's position in 1861–1862 filled the description of methods and ways used for removing the most radical reformers from the administrative elite of Alexander II period with real-life historical content.

Keywords: *Russian Empire, Great Reforms, regions, governor, P. Valuyev, E. Baranovsky*

REFERENCES

- Dnevnik P. A. Valueva: ministra vnutrennikh del* [P. A. Valuyev's diary: Minister of Internal Affairs]. Moscow: Nauka Publ., 1961. 340 p. (in Russ.).
- Gertsen A. I. «*Kolokol*» ["Bell"]. Faksim. izd. Moscow: Nauka Publ., 1962. Vol. 10. 514 p. (in Russ.).
- Gudkov G. F., Gudkova Z. I. S. T. *Aksakov: Semya i okruzhenie* [S. T. Aksakov: Family and environment]. Ufa: Kitap Publ., 1991. 278 p. (in Russ.).
- Krechetovich I. P. *Krestyanskaya reforma v Orenburgskom krae* [Peasant reform in the Orenburg region]. Vol. 1. Moscow, 1911. 572 p. (in Russ.).
- Levandovskiy A. «*Umu nuzhen prostor!*» ["Mind needs a scope!"]. *Rodina*, 1995, no. 3, 4, pp. 139–144. (in Russ.).
- Lyashenko L. M. *Tsar — osvoboditel* [The tsar — the liberator]. Moscow: Polis Publ., 1994. 201 p. (in Russ.).
- Lyubichankovskiy S. *Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia*. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, vol. 13, no. 4 (Fall 2012), pp. 61–875. (in English).
- Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost* [Local management in post-reform Russia: mechanisms of the power and their efficiency]. Ekaterinburg; Izhevsk: Uro RAN Publ., 2010. 496 p. (in Russ.).
- Sekirinskiy S. S. *Ministr na evropeyskiy lad. Literaturnyy avtoportret Petra Valueva* [The minister on the European harmony. Literary self-portrait of Pyotr Valuyev]. *Rodina*, 1994, no. 10, pp. 22–26. (in Russ.).

«Оренбургская губерния».

Из набора сувенирных открыток «Губернии Российской империи». 1856 г.

Портрет графа
Петра Александровича Валуева.
И. Н. Крамской. Холст, масло. 1880-е гг.

Карикатура на П. А. Валуева
в сатирическом журнале «Искра».
1862, № 21.

Гостинный двор на Никольской улице Оренбурга. До 1917 г.